

ДЖАБРАИЛ АЛИЕВ

**ЛЮДИ С
КРАСНЫМИ
ГЛАЗАМИ**

Джабраил Мусаевич Алиев

Люди с красными глазами. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37397203

ISBN 9785449339287

Аннотация

Роман писателя Джабраила Алиева повествует о строительстве канала в Дагестане после окончания гражданской войны. Рассказывается о том, с какими трудностями пришлось столкнуться рабочим, крестьянам и чекистам в борьбе с контрреволюционными силами. Роман читается с большим интересом.

Содержание

Часть 1	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	24
Глава пятая	33
Глава шестая	44
Глава седьмая	55
Глава восьмая	63
Глава девятая	72
Глава десятая	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Люди с красными глазами

Роман

Джабраил Мусаевич Алиев

© Джабраил Мусаевич Алиев, 2018

ISBN 978-5-4493-3928-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава первая

Ноябрь 1920 года в Дагестане выдался на редкость морозным.

В горах выпал снег, и горбатые вершины гор, укутанные в ослепительно белые покрывала казались застывшими причудливыми облаками.

И в низине тоже было холодно.

Кривые, мощенные щербатыми булыжниками улицы Темир-хан – Шуры во многих местах были покрыты тонкой ледяной коркой.

Кое-где образовались грязные мелкие лужицы, которые к вечеру, однако вновь становились узорчатыми стеклянными панцирями.

Ветер гнал по городу мелкую колючую поземку.

Люди скользили, чертыхались, но не обращали на это особенного внимания.

Народ торопливо стекался к площади перед музыкально – драматическим театром. Люди громко обсуждали событие, которое должно было коренным образом, по их мнению, изменить жизнь в лучшую сторону.

В Темир-хан – Шуру приехал нарком по делам нацио-

нальностей товарищ Сталин. И вот сегодня 14 ноября он должен был на чрезвычайном съезде народов Кавказа сообщить о том, что Дагестан отныне становится автономной советской республикой.

А также обсудить с местным руководством первоочередные насущные вопросы.

Вот один из горожан широко жестикулируя руками, на кумыкском языке обращается к рядом идущему:

– Слушай, говорят, все теперь будет хорошо. Новая власть все даст. И заводы будут наши и хлебом помогут. Что скажешь?

Собеседник в порыжелой барашковой шапке и в длинном старом пальто пожимает плечами:

– Не знаю. А кто такой Сталин?

– А вот узнаем. Послушаем, что будет говорить...

Так как было холодно, решено было собрание провести в самом помещении театра. И как только двери широко распахнулись, люди дружно хлынули внутрь.

Кого только здесь не было: крестьяне в старых овчинных тулупах и высоких папахах, рабочие кто в потертых куртках, кто в теплых плащах, партизаны, увешанные револьверами и гранатами, а также красноармейцы с винтовками в шинелях с оранжевыми «разговорами».

На сцене был установлен стол, покрытый зеленым сукном, а на столе два графина с водой. За столом поместились вид-

ные дагестанские деятели: Коркмасов, Тахо – Годи, Габиев, Ахундов, Гамид Далгат и вчерашний красноармеец – писарь по фамилии Жихарев.

Вел съезд председатель Дагревкома Джалалутдин Коркмасов.

Сталин в длиннополой почти до пят расстегнутой шинели и в буденовке с островерхим шишаком стоял около стола и терпеливо ожидал пока, в зале воцариться тишина. Мест не всем хватило.

Люди расположились кто на подоконниках, кто на пожарной лестнице, а кто прямо на полу. Многие толпились у входа.

В это время из – за стола поднялся Коркмасов, и призывая людей к тишине, зазвонил в колокольчик. Он объявил, что чрезвычайный съезд народов Кавказа объявляется открытым. Взглянув быстро в сторону Сталина, громко сказал:

– Слово предоставляется наркому по делам национальностей товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу.

В ответ послышались аплодисменты.

Сталин шагнул близко к авансцене, обвел зал внимательным взором и поднял руку.

И вот его уверенный, твердый голос с большим грузинским акцентом поплыл над залом, обволакивая каждого присутствующего то самой частицей теплой надежды, которую он – простой горец жаждал услышать.

Голос звенел в наступившей тишине, словно жесткая

стальная струна.

«Товарищи! В настоящее время, правительство России благодаря победе над врагами получив, возможность заняться вопросами внутреннего развития нашло необходимым объявить вам, что Дагестан должен быть автономным, и что он будет пользоваться внутренним самоуправлением, сохраняя братскую связь с другими народами России...»

В зале напряженно слушали. И даже те, кто абсолютно не понимал ни слова на русском, сидели, не шелохнувшись, словно боялись пропустить хоть одну фразу.

В конце своей речи Сталин вновь поднял руку, и решительно воскликнул:

«Да здравствует союз народов Дагестана с народами России! Да здравствует советская автономия Дагестана».

Зал тут же «взорвался» бурными рукоплесканиями. Все повскакали со своих мест. Верх полетели зимние шапки, папахи, картузы, буденовки.

Многоголосое, нестройное ура как мяч запрыгало по всему залу, перебегая быстро от одного человека к другому.

Когда шум несколько утихомирился, Сталин сказал:

– Товарищи я рад, что Дагестан вместе с Советской Россией будет идти к светлому будущему, которое мы постараемся, выстроить своими собственными руками.

Чуть помолчал и добавил:

– Но предупреждаю, что впереди много трудностей. Однако надеюсь, мы их вместе мужественно преодолеем...

И вновь буквально все уголки зала потрясло громогласное ура.

И полетели верх все разношерстные виды головных уборов.

Потом посыпались вопросы.

– А землю, к примеру, мне бедному горцу дадут?

В зале послышался смех.

– Зачем тебе земля, если живешь в горах!

– Я переселюсь вниз...

Сталин скупно улыбнулся сквозь пышные и длинные усы.

– Всем безземельным желающим работать на земле будет выделен надел. Но с учетом, что будет определен налог.

С заднего ряда поднялся парень, с густым черным чубом. В руках он с волнением сжимал мятый картуз.

– А как же заводы?

Коркмасов ответил.

– Заводы будут непременно восстанавливаться. Уже сейчас мы открываем в Порт-Петровске завод по выпуску керогазов. Работает также бондарный завод. Будем налаживать такое же производство и в Темир – хан – Шуре.

– А как насчет шариата? Будет упразднен или нет?

Иосиф Виссарионович ответил не сразу. Немного помолчал и строго заметил.

– Шариат если этого желают горцы останется. К этому вопросу можно будет вернуться через несколько лет.

Расходились горцы взбудораженные. Все, бурно обсужда-

ли выступление наркома по делам национальностей.

Глава вторая

После завершения съезда Дагревком, во главе с Коркмасовым, и Сталиным решил коснуться первоочередных задач, которые остро стояли перед республикой.

Совещание проходило на следующий день тут – же в помещении театра, на той же сцене и затем же самым столом покрытым зеленым сукном.

Только в зале не было теперь ни души. И тишина эта казалась какой-то загадочной и совершенно непривычной.

Коркмасов, несмотря на холод в помещении снял зимнюю куртку, и, перекинул ее на спинку стула. Он, обращаясь к Сталину, сказал:

– Вы говорили о трудностях у нас в Дагестане. Конечно, их достаточно. И первая насущная проблема, которая стоит перед республикой это необходимость постройки канала. Без воды не сможем восстановить разрушенное гражданской войной хозяйство.

В низменности воды очень мало. Особенно тяжело крестьянам. Хочу также заметить, что без помощи центра вряд ли управимся. У нас просьба к вам: не могли бы доложить обо всем этом товарищу Ленину.

Сталин по привычке провел неторопливо рукой по усам и тоже снял шинель. Потом окинув внимательным взглядом каждого члена ревкома, спросил как – бы сразу обращаясь

ко всем:

– А сколько денег потребуется на постройку канала. Как вы думаете? Хотя бы может быть примерно. Кто –нибудь, подсчитывал?

Ответил заведующий земельным отделом Мирзабек Ахундов.

– Думаю не менее 500 тысяч рублей. А может и больше. Также должен сказать, что остро нуждаемся в стройматериалах и шанцевом инструменте.

Сталин усмехнулся:

– Это понятно. Ну а народ. Как он настроен? Ведь, наверное, есть и колеблющиеся, которые не особенно пока верят в нашу советскую власть. Так или нет?

– Да такие люди, возможно, есть, – вступил в разговор писатель и член ревкома Саид Габиев. Но в целом народ поддерживает нас. Верит в будущие успехи новой власти.

– Это именно так, – кивнул Алибек Тахо – Годи. Старая власть не смогла дать на низменности крестьянам воды в достаточной степени. И канала они так и не смогли построить. Поэтому народ настроен решительно. Желают взять, что называется свою судьбу в свои руки.

Наступила пауза.

Сталин поднялся из – за стола. Он, придвинул аккуратно на место стул и мягкими буквально кошачьими шагами прошелся взад и вперед по дощатой скрипучей сцене. Было заметно, что он о чем-то напряженно думает. Спустя некото-

рое время он достал из нагрудного кармана френча коробку папирос и неторопливо закурил.

Остановившись, посредине сцены вдруг быстро повернулся в сторону присутствующих и сказал:

– Вы товарищ Коркмасов, наверное, и возглавите это дело. Я так это понимаю. Когда приеду в Москву, конечно, доложу обо всем Ленину. А сейчас нам надо самим хотя бы примерно разработать план постройки этого канала. Потому что без воды действительно нелегко.

Коркмасов кивнул:

– Да, вопрос воды для республики это можно сказать вопрос жизни и смерти. Нам очень важно, что на это скажет Владимир Ильич. Еще два года назад крестьяне объявляли новой власти об этой проблеме. Но тогда решить ее было невозможно, так как шла война. И надо было в первую очередь победить врага.

– Это верно, – согласился Иосиф Виссарионович. Советская республика воевала не только с внутренними врагами, но и с открытой интервенцией других государств. И нам было тяжело. Враги наивно думали, что смогут задушить советскую власть, но ошиблись. Когда за оружие берется народ, то его не победить.

Сталин умолк и снова стал прохаживаться взад и вперед.

– Да, – отвечивал Коркмасов. Думаю, что и сейчас одержим нашу уже трудовую победу.

– Развернем широкую агитацию, – горячо добавил Саид

Габиев.

– Есть молодые талантливые поэты Загид Гаджиев и Багаутдин Астемиров, – продолжил Гамид Далгат. Они всей душой преданы новой власти. Кого хочешь, сагитируют.

– Отличные ребята, – поддержал Тахо – Годи. Оба воевали против деникинцев. Теперь своими патриотическими стихами призывают народ к новой жизни.

– Это хорошо, – Сталин зажег спичку и прикурил потухшую папиросу.

Глубоко затянулся и продолжил:

– Вместе конечно любую работу выполним. Но должен предупредить, что впереди трудностей будет немало. Могут даже совершаться диверсии. Контрреволюционной сволочи, этот канал будет, словно кость в горле. Они рассчитывают, что мы долго не продержимся. Как же! И тут вдруг такой успех.

Сталин замолчал и вновь выразительно оглядел присутствующих, как – бы пытаясь еще раз удостовериться в том, что члены Дагревкома с честью выполняют поставленные перед ними задачи.

– Так и будет, – твердо заявил Коркмасов, как бы прочитав мысли Иосифа Виссарионовича.

Остальные члены ревкома одобрительно закивали головами.

Глава третья

Аликбер Шуртаев поднялся утром очень рано.

Супруга еще спала. Ее густые светлые волосы беспорядочно разметались по подушке. Красивое, белое лицо жены выражало, казалось во сне печать некоторой задумчивости.

«Может что-то тревожное сниться, – подумал он».

Хотел было даже разбудить ее, но в последний момент не стал, так как решил, что жена должно быть сильно устает на работе и поэтому ей необходимо выспаться.

Аликбер знал свою Прасковью два года. Познакомились они, когда он боевой красный командир со своим отрядом совершил в 1919 году дерзкий налет на село Гремучее, недалеко от Кизляра, где хозяйничали бичераховцы.

Тогда один из солдат спрятался в подвале дома Прасковьи. Девушка со своей матерью испуганно жались к стенке. Они боялись одинаково и белых и красных. Солдат отчаянно кричал, что перестреляет всех, кто сунется к нему. Аликбер как мог, успокоил девушку и ее мать и приказал солдату немедленно сдаваться. Но тот был неумолим:

– Идите к чертям. У меня много патронов...

Аликбер вплотную подошел к дверце подвала, на всякий случай, держа в правой руке маузер, и жестко объяснил:

– Если выйдешь с поднятыми руками, то останешься жить. Ну а если нет, то застрелим, как последнюю сволочь.

Наступила тишина. Солдат молчал, так как вероятно, размышлял, стоит ему сдаваться или нет. Потом раздался глухой голос.

– Только без обмана?

– Слово командира...

Громко щелкнула щеколда, дверца откинулась.

Сначала показались руки поднятые верх, потом голова в помятой солдатской фуражке с треснутым козырьком. Вид у солдата был несколько растерянный.

Слово свое Аликбер, сдержал. Солдата отправили в тыл. А Прасковью и ее мать он перевез в станицу Шелковскую к своей сестре.

К сожалению, мать девушки умерла через несколько месяцев от полученных потрясений. А спустя время Аликбер, сделал предложение Прасковье.

– Выходи за меня. Может это и некстати, но я полюбил тебя.

Она была удивлена:

– Но ведь ты воюешь...

– Ну и что. Будешь женой командира.

Прасковья пожала плечами.

– Не знаю.

Он уверенно заглянул ей в глаза:

– Но вот и договорились.

Однако долго продолжить службу в Красной армии ему не довелось.

Однажды на подступах к Петровску Аликбер, получил серьезное ранение в ногу.

В госпитале после излечения вынесли неутешительный вердикт: к строевой не годен.

– У меня с ногой все в порядке, – пытался уверить главного врача Аликбер (хотя это было не так). Но врач Косицын Владимир Владимирович был неумолим.

– Нельзя, никак нельзя молодой человек. Вам двадцать семь, а мне скоро шестьдесят. Вы военный, а я врач, поэтому я лучше знаю. Приходите через год, тогда может и пересвидетельствуем.

Аликбер досадливо махнул рукой. И через два дня пошел к председателю городского исполнительного комитета Захару Мелкопяну: попросил его помочь с работой.

Председатель предложил стать бригадиром в мастерской по ремонту телег и бричек.

– Очень, нужен организатор. Там один есть толковый. Его зовут Мешади Узариев. Но у него образования технического не хватает. А вы все-таки в университете учились.

– Однако ведь не окончил. Первая мировая помешала...

– Все равно хорошо.

И вот уже три месяца как Аликбер был занят исключительно мирным трудом.

* * *

А поднялся он сегодня рано, потому что один из работников мастерской заболел, и ему самому надо было починить

телегу.

Вчера ее притащили несколько мужчин прямо на руках.

Можно было бы это дело поручить Мешади, но его откомандировали два дня назад в Ставрополь за инструментами.

Один из мужчин Мамед (хозяин телеги) слезно просил:

– Уважаемый очень надо. На базар молоко возить не на чем...

– У тебя что корова?

– Нет, перекупку делаю, – Мамед развел руками. – Как-то надо жить. Нет денег корову, купить.

Аликбер успокоил Мамеда.

– За два дня отремонтируем. Денег брать не будем. Когда сможешь, привезешь молоко.

– Ай, хорошо, – энергично закивал головой Мамед. Будет молоко, обязательно будет...

Ремонт телеги несколько затянулся. Оказалось, нужно было менять и рессору, и ось, и правый покосившийся борт.

Однако Мамед не отходил от мастерской далеко. Он терпеливо ожидал, когда работа будет окончена, И вот спустя время Аликбер подмигнул Мамеду:

– Ну что телега как новая. Приводи лошадь и прямо здесь запрягай.

Мамед стал внимательно осматривать свою телегу. Даже пощупал грубыми короткими пальцами отремонтированный борт и, оставшись довольным, ощерил в улыбке желтые редкие зубы.

– Ай, спасибо, ай спасибо...

В это время Аликбера окликнули. К нему быстро подошел чуть полноватый невысокого роста молодой человек и спросил:

– Это вы будете Аликбер Джунаидович?

– Так точно, – по – военному отрекомендовался Аликбер.

– Я из ревкома. Меня зовут Панкрат Федосеев. Работаю секретарем. Товарищ Коркмасов просил вас явиться к нему.

– Что сегодня?

– Нет, завтра к девяти.

– Хорошо.

Тут Панкрат любопытствовал:

– А вы что знакомы лично с Коркмасовым?

Аликбер кивнул:

– Встречались несколько раз на фронте. А что?

– Да нет, ничего, – слегка смутился Панкрат и почему – то поправил на голове серый чуть измятый картуз. Дело в том, что он так просто людей к себе не вызывает. Наверное, что-то важное хочет сообщить.

* * *

Коркмасов обрадовался приходу Аликбера. Крепко пожал его руку, и жестом показал на потертый кожаный диван.

– Присаживайся. Разговор важный. Как кстати твоя нога?

Аликбер недовольно усмехнулся.

– Нога в порядке. Вот только на службе не восстанавливают.

– На какой это службе?

– На военной.

– Ах, вот о чем ты, – Коркмасов добродушно усмехнулся.

Кстати,

почему не пришел ко мне. Я бы помог с работой.

– Не хотел беспокоить вас Джалалутдин Асельдерович.

Коркмасов улыбнулся:

– Дорогой мой человек обращайся ко мне на ты. Мы ведь так сказать оба фронтовики.

– Не могу. Вы для меня большой авторитет.

Коркмасов вновь улыбнулся и махнул рукой. Потом придвинул стул поближе к Шуртаеву.

– Это все пустяки. Чем занимаешься сейчас?

– Да вот телеги разные ремонтирую.

– Мелкопян устроил?

– Он самый.

– Ну, вот что. Как раз для тебя есть очень важная работа.

– А как же моя военная служба, – настаивал Шуртаев.

Коркмасов вновь усмехнулся.

– Понимаю. Человек ты военный. Но службу придется пока что оставить. Сейчас ты нужен партии здесь, так сказать в тылу. Начинаем большую работу. Хотим построить канал...

Аликбер даже подпрыгнул на месте.

– Вот это дело. Без воды очень тяжело. Давно нуждаемся.

– Как раз об этом и говорили с товарищем Сталиным. Нам обещали всестороннюю помощь. Но мы и сами должны приложить много усилий. Без этого сам понимаешь никуда.

– А как будут проводиться работы? Зарплату людям собираетесь платить, или продуктовыми пайками выдавать?

Коркмасов вдруг быстро встал с места и подошел к окну.

Он стал, вглядываясь в окно очень пристально, как будто именно там за окном сейчас пытался найти ответ на только что полученный непростой вопрос. Он размышлял.

А на улице протекала обыкновенная будничная жизнь: вот женщина прошла в демисезонном пальто с белым узелком в руках. Показался военный в форменной кожанке и с красными петлицами на гимнастерке. Протарахтела арба, запряженная низкорослым гнедым груженная какими-то непомерно большими мешками.

Аликбер ждал ответа и когда председатель ревкома обернулся к нему, он тоже внимательно взглянул на него.

Коркмасов не торопясь и задумчиво сказал:

– На каких условиях и как начнем работать, пока этого сам не знаю. Сначала думаю, объявим продолжительный субботник и посмотрим, как на это откликнется народ.

– А ты лично как думаешь?

Шуртаев поддержал:

– Вариант считаю неплохой. Люди ведь заждались. Думаю не то, что не посмеют, не выйти, а с большим энтузиазмом примутся за работу. Народ все-таки трудолюбивый.

– Я тоже на это надеюсь.

– Какая же моя роль будет в этом большом деле, – спросил Аликбер, и с некоторым волнением взглянул на Коркмасова.

– Роль будет почетная, но в тоже время очень ответственная.

Джажалутдин Асельдерович вновь присел на диван, и чуть наклонив голову к Шуртаеву отчеканивая каждое слово, сказал:

– Хочу назначить тебя одним из своих заместителей. На должность охранного комиссара. Этого же мнения придерживаются Гамид Далгат и Тахо – Годи.

Тебе надо будет из верных товарищей сколотить группу, которая наравне с работниками ЧК возьмет под контроль организацию охраны по постройке канала. И не только канала. В общем, нужен мне верный помощник.

– Почему бы самим работникам ЧК этим не заняться? – удивился Аликбер.

Коркмасов вздохнул:

– Не хватает людей. Поэтому и обращаюсь к тебе. Ты хоть еще и молодой, но опыт у тебя уже есть. Главное ты в армии служил. Также есть, наверное, у тебя и товарищи, которым ты можешь доверять.

Шуртаев кивнул:

– Есть. Но надо будет им определить что-то вроде зарплаты. Ведь как-то жить необходимо. У всех семьи.

– Сделаем. Вот подожди немного. Через неделю я и еще

некоторые члены ревкома поедem в Москву на встречу с Лениным. Здесь останетeсь ты, Саид Габиев, Раджабов, Федосеев и Танкаев. После приезда буду рекомендовать тебя в члены ревкома.

– Спасибо.

– Да ладно уж. Нам очень, нужны такие люди.

Глава четвертая

Поздно вечером в дом Аликбера Шуртаева постучались.

Шуртаев отворил двери и удивился, увидев перед собой Мешади Узариева.

– Ассалам алейкум.

– Ваалейкум. Ты чего?

– Как чего. Почему уважаемый уходишь из мастерской. Я что опять один буду?

Голос у Мешади дрожал, выдавая сильный азербайджанский акцент. У него даже длинные жилистые руки слегка подрагивали, чем-то напоминая тонкие железные крюки.

Шуртаев улыбнулся:

– Почему один? У тебя там есть работники.

– Таких как ты грамотных нет.

– Откуда узнал что ухожу?

– Сегодня приехал из Ставрополя и встретил на улице этого русского...

– Федосеева что ли?

– Да, да, – закивал головой Мешади.

– Ну ладно. Заходи в дом. Проходи к столу, поговорим.

Аликбер заглянул в соседнюю комнату, где в это время находилась супруга и попросил:

– Прасковья завари чаю.

Женщина стала хлопотать.

– Ну, вот что Мешади. Я действительно должен буду уйти с этой работы. Но не сейчас. То есть не сразу. И потом я буду время от времени заглядывать в мастерскую. И если что-то будет тебе не понятно, буду объяснять.

– А кто будет бригадиром?

– Ты будешь. Ведь ты многое умеешь и знаешь.

– Нет, лучше оставайся, – с прежним волнением в голосе сказал Узариев.

Аликбер слегка усмехнулся.

– Меня на днях вызывал товарищ Коркмасов. Скоро начнем постройку канала, и я буду нужен там. А тебе пора становиться самому хозяином мастерской. Кстати инструменты все по накладной привез?

– Да.

– Ну, вот завтра и разберем их. Договорились?

– А что делать? – широко развел руками Узариев. Будем понемногу договариваться. Трудно будет, но надо привыкать.

* * *

Когда Мешади ушел, то Прасковья подошла к мужу обняла за плечи, и немного недовольно спросила.

– Куда это ты уходишь?

Аликбер объяснил.

– А почему мне не говорил?

– Так вот говорю.

– И получается, что твоя жена узнает в последнюю оче-

редь.

– Почему в последнюю?

– Кто-то уже узнал вот и пришел к нам поздно в гости.

– Я ему не говорил. Оказывается, он Панкрата встретил, тот и сказал.

Аликбер притянул к себе супругу и поцеловал в щеку.

– Налей лучше еще чаю.

Прасковья налила из большого медного чайника мужу и себе.

– Моя задача сейчас состоит в том, чтобы собрать вокруг себя верных товарищей, – стал объяснять Аликбер. Необходимо организовать небольшой отряд. Будем работать рука об руку с чекистами. Ведь предстоит огромная работа по постройке канала.

– Зачем тебе это все? – чуть удивленно спросила супруга. В мастерской было бы гораздо спокойнее.

– Было бы, – согласился Аликбер. Но когда партия зовет, то коммунист не может быть в стороне. Тем более сам Коркмасов об этом меня попросил.

– И кого думаешь привлечь?

– Хорошо бы Пашаева. Прекрасный человек. В одно время вместе воевали. Ты его кстати знаешь. Я его, к сожалению давно не видел. Интересно в Петровске он или нет. Вот еще есть Магомедов, Гришаев, Тамадаев...

– Однако ты не забывай, кем является двоюродный брат Пашаева, – предупредительно намекнула Прасковья мужу.

Аликбер удивленно взглянул на жену.

– Кем?

– Ты что забыл, что у него есть двоюродный брат, который эмигрировал в Турцию.

– Откуда знаешь?

– Сам Сайгид Пашаев и говорил. Неужели не помнишь?

Шуртаев действительно забыл. И только сейчас, когда напомнила жена, кое-что стал вспоминать.

– Подожди, подожди, а как его зовут?

– Вот этого уж я не знаю, – усмехнулась Прасковья.

Шуртаев медленно произнес:

– Да что-то не могу конкретно припомнить. Но это не о чем не говорит. Сайгид воевал против белых. Зарекомендовал себя достойным человеком и коммунистом. Завтра же пойду к нему и поговорю. Он, кажется, живет на улице Заводской.

– Да вроде там жил, – подтвердила жена.

* * *

Удивительный город Порт-Петровск. Кого только не встретишь тут. Столько национальностей не найти не в одном регионе и не в одном городе Советской России.

Кроме коренных жителей здесь чувствуют себя вполне комфортно русские, армяне, грузины, азербайджанцы, греки, осетины, евреи, татары и другие народности.

Город расположен как – бы немного в теснине. С одной стороны море, а с другой высокие величественные го-

ры. И впечатление такое как – будто Порт-Петровск, словно улитка пытается выползти из этого небольшого пространства, которое уготовила ей непредсказуемая природа.

Каждое воскресенье один раз в неделю бывает в новой столице Дагестана большой базар. В город едут люди со своим немудреным товаром из разных сел и аулов. Преимущественно из тех населенных пунктов, которые расположены поближе к городу.

Кто верхом на лошади с переметными сумами. Кто на бричке запряженной быком, где задняя площадка завалена большими кругами сыра. Едут также на ослике с притороченным с боку мешком, набитой кислыми зелеными яблоками.

А многие просто пешком идут, чтобы прикупить себе, то необходимое, что не смогли найти у себя в селе или в ауле.

Базар располагается на площади около собора.

Вот один покрикивает немного недовольно на другого, которого очевидно хорошо знает.

– Эй, Осман, убери куда –нибудь свою корову, а то она у меня скоро всю капусту сожрет.

– Это не моя, а вон того в черной папахе.

– Уважаемый это твоя корова?

– Извини, забыл ей утром сена дать...

– С тебя один рубль.

Черная папаха удрученно качает головой.

– Нету. Еще ничего не продал.

– Тогда убери эту тварь подальше, чтобы я ее никогда не видел...

– Не кричи. Ты же не бедный.

Голос переходит в крик.

– Убери, говорю, а то не знаю что сделаю...

А рядом растянулась та самая улица под названием Заводская. Когда – то здесь действительно был небольшой завод по выпуску разной кухонной утвари.

На этой улице и проживал товарищ Аликбера и когда-то его непосредственный помощник в красном отряде Сайгид Пашаев

Однако когда Аликбер пришел к дому Пашаева, то оказалось что товарищ его не проживает больше по данному адресу.

Навстречу вышла женщина в длинном пестром халате и в узорчатом расшитой золотыми нитями платке.

– Не знаю где он, – призналась она. Здесь сейчас живет моя сестра с мужем. А я приехала месяц назад в гости из Узбекистана. Ничем не могу помочь.

– Извините за беспокойство. Всего хорошего.

Шуртаев был немало удивлен тем, что Пашаев переехал на другое место жительства. Потому что жил он ведь раньше, по сути, в центре

Порт – Петровска.

Долго размышлял Аликбер о том, где ему найти Пашаева. И не нашел ничего лучше чем сходит в ревком и узнать

там. Он зашел в секретариат. Ему навстречу попался Панкрат Федосеев. С улыбкой протянул руку Аликберу.

– Есть какие-то вопросы?

– Да. Не знаешь ли, где проживает ныне Сайгид Пашаев.

– Который был у тебя помощником в батальоне?

– Он самый.

– Знаю. На улице Промышленной дом 15.

– Почему он переехал?

Панкрат несколько замялся.

– Тут понимаешь такое дело. Сам товарищ Суламииев распоряжение дал. Квартира то у него была не собственная, вот и пришлось ему переехать.

Шуртаев удивился:

– Но с чего это вдруг? Он бывший красный солдат...

Федосеев топтался на месте, не зная, что еще сказать. Аликбер в недоумении постояв немного, заторопился на улицу Промышленную. Пока шел все никак не мог понять: в чем все-таки причина? Неужели из-за двоюродного брата? Все может быть.

Встретил его Пашаев радостно. Тепло обнял и пригласил в дом.

– А я подумал было, что и ты меня забыл, – сказал Сайгид и пытливо глянул на бывшего командира.

– Так вот я и пришел узнать, что случилось? Говори без утайки все как есть. Мне нужна, правда.

– А вот и скажу. Товарищ Суламииев дал распоряжение вы-

селить меня из прежней квартиры. Жена с ребенком уехали к матери. Сейчас один вот. И работы у меня нет.

У Аликбера невольно дернулись веки. Такое впервые с ним случилось, когда три года назад во время Гражданской войны он увидел несколько повешенных вниз головой коммунистов.

Они были казнены карателями полковника Бичерахова.

Тогда этот страшный факт просто потряс его своей жестокостью.

И он сам не сразу понял, как у него стали невольно дергаться веки.

– Так в чем причина? – переспросил он.

– Разве не знаешь. Мой двоюродный брат Зиявутдин эмигрировал в Турцию. Я уже говорил об этом.

– Завтра же поговорю с товарищем Суламиевым.

– Ничего не выйдет, – махнул рукой Сайгид. Он сейчас в ЧК начальник какого-то отдела.

– Ну, вот что друг мой. Такое вот дело. Как раз работа для тебя есть. Будешь работать со мной. Начинаем большую стройку. Будем воздвигать канал...

– Неужели так? – удивился Пашаев.

– Да. Насчет привлечения тебя к работе я поговорю с Коркмасовым. Он сейчас в Москве на встрече с Лениным. Думаю, поможет.

– Это же хорошее дело, строить канал.

– Конечно. Есть и еще люди, которых я хочу привлечь.

Например, Тамадаев Гришаев и Магомедов.

– Это неплохо, – кивнул Сайгид. Гришаева я знаю. Преданный партии человек. В одно время он работал на железной дороге.

– Да это так, – подтвердил Адикбер. Он со мной в университете тоже когда-то учился. Не одну лекцию не пропускал. А потом вступил в ряды Красной гвардии, и меня уговорил.

– А что за товарищи Тамадаев и Магомедов?

– Тоже хорошие люди. До революции оба работали на почте. Недавно видел одного из них в городе. Оказывается, в партизанах был.

– Ну что же, это неплохо.

– Да. Это специальный указ Кормасова, чтобы сколотить группу и совместно с чекистами охранять канал. А надо будет то и работать, будем как обыкновенные рабочие. Будем привлекать и других людей. Надо пока разобраться.

– Понятно, – кивнул Пашаев. Я лично готов. Давай тогда немного вина выпьем за это.

Аликбер чуть слышно стукнул кулаком по столу.

– А почему бы нет. За наше новое дело...

Глава пятая

Меджид подъехал к дому на подводе груженной дровами. Быстро расседлал лошадь и позвал жену.

– Эй, Барият ты, где выходи.

Во двор вышла женщина примерно сорока пяти лет в сером длинном платке.

– Что случилось?

– Ничего, дрова привез, надо выгружать позови Ахмеда.

Жена всплеснула руками:

– Сын ушел на речку.

– Ах, он такой-сякой. Ведь просил его ждать дома...

– Он и был, – стала защищать сына Барият. Да к нему друзья пришли, и он пошел с ними купаться.

– Да как, же так можно!?! – вскричал расстроенный Меджид. Я специально просил его ждать дома, чтобы он готов был помочь разгрузить дрова.

– А зачем ты привез летом дрова? – искренне поинтересовалась супруга.

– Потому что именно летом надо готовиться к зиме. Вам женщинам этого никогда не понять.

Барият вздохнула:

– Я сама помогу выгрузить.

Муж и жена неторопливо стали выгружать. Однако через некоторое время прибежал и сын.

– Извини отец. Не думал, что ты так скоро приедешь.

– Приехал потому что есть новости. Помогай, выгрузим быстрее.

Когда разгрузили дрова, жена попросила сына:

– Разведи костер во дворе, сварим калмыцкий чай.

– Хорошо, – кивнул сын.

– А ты – обратилась она к мужу – расскажи, что за новости услышал в городе?

Меджид сделал серьезное выражение лица и, присаживаясь, на длинную, сколоченную из старых бревен скамью сказал:

– Я встретил Гапиза, он возвращался из города, так вот он сказал, что начинается большое дело...

– Какое? – нетерпеливо перебила жена.

Меджид с укоризной посмотрел на нее.

– Не торопи меня.

Чуть помолчал, недовольно еще раз взглянул на жену, и продолжил.

– Будут значит строить канал и всех кто может, призывают принять в этом участие. Листовки, везде говорят, расклеивают. Я вот думаю тоже поехать. Ведь сами страдаем без воды. А главное одним из руководителей, оказывается, является мой дальний родственник Шуртаев.

– Это не сын Зураба? – заваривая калмыцкий чай, спросила Барият

– Нет, ты, что, не помнишь. Это тот, который воевал про-

тив бичераховцев. Я говорю про Аликбера. Он же ведь был командиром. Одним словом большой человек.

– А жить ты, где будешь отец? – задал вопрос Ахмед, пытаясь поддерживать огонь под старой закопченной кастрюлей.

– Говорят, будут землянки строить.

– Правильно отец, если надо, то и в землянках будем жить, – радостно объявил сын. Я тоже поеду на стройку.

В это время во двор заглянул сам Гапиз. Человек он был грамотный. Когда – то учился в реальном училище в Темирхан – Шуре. Но никогда об этом не распространялся. Потом воевал против белых. Состоял также в партии большевиков.

Он поздоровался и степенно присел на скамью. Скрутив из старой газетной бумаги самокрутку, слегка поучительно стал говорить, повернув голову в сторону юноши.

– Правильно Ахмед, что хочешь ехать на стройку. Но пока думаю, поедем мы с твоим отцом. Узнаем что там и как. А ты, наверное, должен остаться дома. Кому то ведь надо за хозяйством присмотреть. Твой старший брат живет ведь сейчас в Баку. Матери твоей одной трудно будет. А мы все-таки взрослые мужчины и сидеть дома, когда другие будут строить канал как-то нехорошо.

– Дядя Гапиз а какие новости еще в городе? – спросил Ахмед, разгоняя куском фанеры дым, разъедавший глаза.

Новости такие, что собираются очень большой дом строить, где будут фильмы разные показывать.

– Для рабочих?

– Для всех.

– А канал какой будет? Тоже большой? – продолжал спрашивать с интересом Ахмед.

– Конечно. Чтобы и летом и зимой вода там была. Только надо всем дружно работать. Иначе долго будем возиться.

Тем временем Барият накрыла на стол, который до этого вынесли из веранды. На столе появились черный хлеб, сыр, мед и сметана.

– Кушать садитесь, – громким голосом, пригласила она, разливая калмыцкий чай по пиалам.

Потом торжественным взглядом окинула столик, и осталась очень довольной собой как хозяйкой.

К этому времени заглянули во двор к Меджиду еще несколько соседей. Один из них по имени Кадыр сказал, обращаясь к Гапизу:

– Мы были у тебя, сказали, что ты здесь.

Гапиз кивнул, неторопливо поставил чашку с чаем на стол, и уверенным голосом сказал:

– Вот собираемся на стройку. Об этом и разговариваем.

– И мы о том же хотим поговорить, – подчеркнул Кадыр. А то слухов много, а точно понять не можем что к чему.

– Говорят, по селам ездят глашатаи, и объявляют конкретно о начале стройки, – высказал свое мнение другой гость по имени Батырхан.

– О том же говорили и в Петровске, – подтвердил данную

мысль Гапиз.

Вдруг в это время к дому Меджида прибежал молодой человек в белой поношенной косоворотке, на которой были отчетливо видны свежие небольшие бурые пятна похожие на кровь. Весь запыхавшийся, он, прерывисто дыша, стал говорить что-то не совсем внятное.

Меджид громко спросил:

– Что случилось Закир?

Наконец мужчина слегка отдышался:

– Там Азим пьяный взял ружье и грозитя убить жену. Я пытался остановить его, но он ударил меня прикладом по голове. Вот смотрите.

И Закир низко пригнув шею, показал сгустки запекшейся крови на голове, которые хорошо были видны сквозь светлые короткие волосы.

Мужчины встали со своих мест.

– А что произошло? – спросил снова уже Гапиз.

– Ничего? – в ответ крикнул Закир. Он ведь когда пьяный всегда такой. Я один не справлюсь, помогите...

Меджид вскочил на коня. Остальные мужчины побежали следом. За ними, несмотря на уговоры матери никуда не уходить заторопился и Ахмед.

* * *

Азим с коротким обрезом, наставленным на молодую перепуганную насмерть женщину орал во все горло.

– Проси прощенья несчастная!

– За что? – едва слышно лепетала жена.

Женщина была настолько напугана, что у нее сильно дрожали не только руки, но и плечи и колени.

– За то, что не уважаешь мужа. Зачем хотела уйти от меня? А? Спрашиваю же тебя?

Жена молчала.

– Для чего хотела уйти! – диким голосом кричал ошалевший от алкоголя Азим.

Чуть поодаль у покосившейся двери, что вела в длинную прихожую, стояли маленькие дети: мальчик и девочка и ревели от страха очень громко, размазывая слезы по пухлым белым щечкам.

Меджид едва поспев на лошади, тут же быстро спрыгнул на землю, и бросился на Азима. Не ожидавший такого ошеломляющего нападения пьяный мужчина немного растерялся. И видимо, поэтому не успел сделать против Меджида абсолютно никакого движения.

Меджид схватился за обрез и сильно дернул на себя. Оба споткнулись и упали. Трезвый Меджид оказался сильнее. Он удерживал пьяного Азима, пока не подоспели остальные.

Гапиз взял протянутое ему Меджидом ружье, покачал головой и хрипло прорычал:

– Клянусь Азим ты ненормальный. Разве можно так пугать жену и детей. Ты ведь был отличный красноармеец. Воевал храбро.

Азим, которого мужчины уже успели связать брючным

ремнем, угрюмо оправдывался:

– Хотела уйти от меня. Дура она что ли? Куда хотела уйти...

– Нет, это ты дурак, – зло бросил Гапиз. Я бы тебя лично застрелил из этого обреза. Зачем пьешь много бузы? Ведь не подходит тебе. А если твоя жена в милицию заявит? Тебя же посадят. И дадут не меньше десяти лет. Вот сейчас же дай слово, что больше не будешь пить.

– Даю слово мужчины, – сквозь зубы не совсем уверенно пообещал Азим.

На минуту все замолчали. И неуютная, гнетущая тишина мрачно воцарилась вокруг.

– Однако оставлять его здесь надолго нельзя, – после невеселого молчания строго заметил Меджид. Мало ли что. Вдруг опять напьется.

– Это верно, но как быть, – спросил Гапиз.

– Поедет с нами на стройку, – вдруг твердо заявил Меджид. Ружье мы конфискуем. А жене его и детям я буду привозить продукты и одежду.

– Какая еще стройка? – воскликнул Азим, тщетно, пытаясь

освободится от стягивающего руки крепкого брезентового ремня.

– Там ты не сможешь пить, – нравоучительно заявил Гапиз. Если ты позволишь себе еще раз подобную выходку, то лично сам отведу тебя в милицию и буду свидетельствовать

против тебя. Не позволим позорить наше село. Ты это понимаешь?

– Понимаю, – угрюмо буркнул Азим.

И неожиданно повернув голову к жене, стал просить прощения.

– Прости больше не повториться. Прости меня моя Гузель...

Но жена, обняв детей, сидела на земле как каменная и не обращала никакого внимания на мужа.

Гапиз удрученно качал головой. Было заметно, что он сильно расстроен неблагоприятным поступком Азима.

Он сказал, обращаясь к Меджиду:

– Мы говорили, что поедem на стройку через неделю. Теперь я думаю надо сократить этот срок. Поедем через три дня. Нельзя его оставлять надолго без работы, вдруг опять что-то натворит. Как вы согласны, – повернулся он к другим мужчинам.

Они одобрительно закивали.

– Это хорошо, что он будет работать, – тихо сказала жена. Там может, не будет пить. А то устала я уже от его пьяных выходок. Поэтому и хотела уйти. Пусть сегодня спит в сарае. Я не хочу видеть его дома.

– Я же человек, а не скотина, – вскинув голову, возмущенным голосом заявил Азим. И ты женщина не имеешь права мне указывать, где я должен спать. Не забывайся и знай кто ты такая...

– Все хватит, – вдруг крикнул грубо Гапиз.

Он подошел к Азиму и, распутывая брезентовый ремень на его руках, не терпящим возражения, голосом объявил:

– Пойдешь ко мне. Поживешь у меня. Твоя жена много натерпелась...

Меджид вскочил на лошадь и сказал:

– Значит, все обсудили. Через три дня поедем на стройку. А сын мой Ахмед потом каждого коня отдельно приведет домой.

* * *

Все три дня Азим вел себя спокойно.

Он ходил навестить жену и детей вместе с Гапизом и снова просил прощения у нее. Гузель молчала, но потом все-таки сдержанно сказала:

– Посмотрим. Ты езжай пока на стройку. А там будет видно.

Азим закивал головой.

– Хорошо. Пусть так и будет.

Обратно по дороге Гапиз заметил Азиму.

– Скажи спасибо жене, что прощает тебя.

Тот хмуро молчал.

– И брось эти всякие штучки пьяные. На стройке ты должен быть примером для других. Ты ведь хорошо воевал. И даже часами был награжден. Так или нет?

Азим гордо объявил.

– Сам Кара Караев вручал...

– Вот и держись этого достойного положения.

– Все понял. Буду держаться.

– А откуда у тебя обрез?

– Так еще с фронта, – искренне пояснил Азим.

Гапиз внимательно взглянул на него, как – будто по-новому изучая, и строго сказал.

– Все-таки мы ружье тебе не вернем. Пойми нас правильно.

– Понимаю.

* * *

Тронулись в дорогу около десяти часов утра. Ушло также время на подготовку лошадей.

Их было восемь человек. Это были Меджид, Гапиз, Азим, Батырхан, Кадыр, Салават, Закир и Ахмед. Все верхом на лошадях.

Решили добираться до Петровска и там встретиться с Аликбером.

Несмотря на ранний час было уже жарко. Спасало то, что каждый взял с собой в кожаном мешочке достаточно воды. Такие выделенные из овечьих шкур мешочки были тогда почти у каждого горца отправляющегося в дальнюю дорогу.

Выжженная солнцем трава была наполовину желтой. Горячий воздух, словно огнем обжигал лица. Впрочем, там, где попадались, мелкие канавки с мутной водой трава была еще более-менее зеленой. И в таких местах сбившись в кучу, собирались коровы и овцы. И было непонятно где их хозяева.

И есть вообще пастух у этих животных или нет.

– До города километров сорок, – сказал Гапиз. Это не так уж далеко. У каждой следующей канавы будем поить лошадей.

– А где остановимся в городе, – спросил Азим, стирая время от времени рукавом рубахи обильно стекающий по щекам пот.

– Остановимся в гостинице, – ответил Гапиз. Денег немного у нас есть. Так что беспокоиться не приходится. А потом Аликбер объяснит, что делать дальше. Я его тоже хорошо знаю, когда-то воевали в одном отряде. Он душевный человек.

Глава шестая

Когда Коркмасов и некоторые другие члены ревкома вернулись после встречи с Лениным из Москвы в Петровск, то решили созвать всех знакомых активистов на важное совещание.

Но сразу провести его не удалось. Вышло, так что мероприятие это смогли провести только в мае месяце 1921 года.

Собрались в железнодорожном клубе, что недалеко от вокзала.

Нужно было срочно обсудить подготовку к строительству канала.

Коркмасов твердыми, ровными шагами вышел на середину небольшого зала. Он поправил ворот сатиновой рубашки и мягким голосом обратился к присутствующим.

– Товарищи перед нами стоит большая задача. Нужно построить канал протяженностью почти 100 километров. Сразу скажу, что это нелегко. Но выполнить работу надо. Это нужно нам всем. Поэтому сейчас необходимо сделать серьезную подготовку. Товарищ Ленин обещал Дагестану мануфактуру, муку, стройматериалы, в том числе лопаты и кирки, а также семена для зерновых. Доставят также в Дагестан и три вагона бязи. Эта существенная помощь. Уже совсем скоро первые составы должны прибыть к нам. Но и мы со своей стороны обязаны приложить максимум усилий что-

бы доказать себе и всему миру что большевики умеют работать. И что четко знают свои цели.

В зале одобрительно загудели. Коркмасов продолжил:

– Сейчас необходимо организовать новую группу глашатаев которые должны будут на лошадях ездить по селам и аулам и призывать народ выходить на большой субботник. С каждого двора по одному, а кто может и по два человека нужно выделить. Думаю, в августе уже начнем проводить работы.

– Успеем ли созвать и убедить народ? – спросил с некоторым сомнением Панкрат Федосеев.

– Обязаны успеть, – жестко заметил Коркмасов и обратился к Аликберу.

– Ты Шуртаев как раз и организуй это дело со своими ребятами.

Аликбер встал.

– Конечно. Я уже подобрал хорошую команду. Все они верные товарищи...

И тут кто-то с места громко пояснил:

– А ведь есть случаи нападения на глашатаев. Одного даже убили...

Джалалутдин Асельдерович прошелся от большого широкого окна к двери, а потом обратно и сказал:

– Я дам распоряжение о выдаче оружия. Но это товарищ Шуртаев под твою ответственность. Обо всех случаях докладывать лично мне.

Аликбер кивнул.

– Понятно.

Коркмасов добавил:

– Если не хватает людей, то попросите выделить вам несколько сотрудников ЧК. У нас с ними существует договоренность.

Наступила пауза. В звенящей тишине было слышно жужжание мухи, которая быстро перелетала от одного окна к другому.

На какое-то время она стихла, но потом вновь раздалось ее яростное жужжание. Кто-то осторожно привстал, и попытался выгнать муху в открытую форточку, но, увы, тщетно.

– Надеюсь, все уяснили свои обязанности, – оборвав тишину, раздался ровный, четкий голос Коркмасова.

– Да, конечно, – воскликнули присутствующие.

– В таком случае товарищи приступим к своим обязанностям.

* * *

Аликбер вызвал к себе Сайгида Пашаева и поставил перед ним важную задачу: провести агитацию в Шамхале, Костеке и Муцалауле.

– Возьми с собой еще людей. Мало ли что.

– А оружие дадите?

– Конечно. Выдам один маузер и две винтовки.

– Это хорошо.

Аликбер предупредил:

– К людям относитесь с уважением. Не забывайте и о том, что есть еще, и те, кто не доверяет советской власти. С такими надо осторожно разговаривать, чтобы знали, что мы зла на них не держим. Но есть и враги, которые открыто, выступают против нас. Вот с ними необходимо быть жесткими. С ними разговор особый. К тому же самому призывают товарищи из ревкома.

– Спасибо за доверие.

– А как же. Мы должны доверять друг другу. Иначе никакой работы у нас не выйдет.

* * *

Сайгид взял с собой еще двух бывших красных партизан: Аслан Тамадаева и Заур Магомедова.

Сначала было хотели разделиться и в указанные населенные пункты добираться по отдельности. Но потом передумали и решили держаться вместе.

– Так будет надежнее, – заверил Пашаев.

Когда прибыли в Шамхал народ сам собрался на главной улице, где был большой колодец. Обычно на этом месте и проводились разного рода собрания и митинги.

Здесь уже были наслышаны о том, что скоро начнется большой субботник по строительству канала. И не надо было что-то много объяснять. Люди сами стали задавать вопросы.

– Когда на работу?

– Будут ли выдавать хлеб?

– Сколько человек надо?

Пашаев и его соратники, держа лошадей под уздцы, отвечали подробно на все вопросы. А чего не знали, обещали узнать.

– Как же так что вы не знаете, сколько аршин бязи будут выдавать на человека, – спросил местный житель в старых холщовых брюках и в синей сшитой из грубой ткани рубашке.

Пашаев ответил:

– Сколько аршин будут выдавать, действительно не знаю. Но скажу, что без внимания не оставят никого. И бязь по возможности выдадут и хлеба тоже. А о том, что будет строиться канал, знает сам товарищ Ленин.

Раздался одобрителный гул. Пашаев напомнил:

– С каждого двора по одному человеку надо. А кто если может, то и по два человека. Поймите, ведь для себя будем работать, а не на капиталиста как раньше.

Шамхальцы вновь начали осыпать глашатаев вопросами.

– А городские? Они будут работать?

– Конечно.

– И женщины тоже?

– Да и женщины. В городе с фабрик и заводов люди пойдут на строительство. Активно будут помогать нам и комсомольцы. Многие из них желают выйти на работу уже сегодня. Об этом говорил и товарищ Коркмасов.

* * *

В Костеке тоже народ одобрително отозвался на при-

зыв выйти на работу. Здесь несколько человек поинтересовались, будут ли выдавать хоть какую – нибудь обувь. Один из них вышел вперед и, указывая на свои ноги в старых чарыках сказал:

– Ботинок нет. А в сапогах сейчас жарко.

– Это понятно, – кивнул агитатор Тамадаев. Об этом раз-
узнаем. Но если не будет иной обуви, то можно пока и в са-
погах.

А вот когда прибыли в Муцалаул, то здесь встретили гла-
шатаев довольно сдержанно.

Люди не очень охотно выходили из домов. Наконец когда
многие собрались, кто-то недовольно крикнул:

– Нам сказали, что лучше не ходить не на какие суббот-
ники. Что власть обманет нас...

Сайгид почувствовал, как волна негодования буквально
закипает у него в душе. Голос его задрожал:

– Не верьте тем, кто распространяет такие подлые слухи.
Это делают враги новой власти. Они не хотят, чтобы народу
жилось хорошо. Надеются вернуть старый режим. Но этому
не бывать, – почти ожесточенно крикнул Пашаев, и погро-
зил куда-то в пространство кулаком. Время эксплуататоров
закончилось, Теперь будем только на себя работать...

Тут один из присутствующих протянул Тамадаеву малень-
кий листок грубой желтой бумаги.

– Вот что я нашел у себя во дворе.

Тамадаев пробежался глазами и тронул за рукав гимна-

стерки Сайгида.

– Посмотри что пишут.

Пашаев прочитал записку, где слегка кривыми буквами было написано простым карандашом, о том, чтобы люди не выходили на субботник. Что новая власть якобы будет наживаться на простых жителях.

Сайгид передал листок, третьему агитатору Зауру Магомедову и глубоко вдохнув в легкие побольше воздуха громко воскликнул:

– Вот оно еще одно доказательство того что враги пытаются помешать нам строить новую жизнь. Товарищи о подобных вещах необходимо сообщать немедленно в местное отделение милиции.

– А у нас и милиции нет, – со смехом заявили из толпы.

– Как это? – удивился Пашаев.

Мужчина что был в холщовых брюках, сказал:

– Милиционер вроде как есть. Но он больше своим хозяйством занимается. Времени у него нет на нас.

Тут расталкивая людей, показался пожилой горец в летней слегка потрепанной черкеске. Обращаясь на аварском языке к Сайгиду, заявил.

– Я немало прожил на этом свете. Вот вы установили свою власть, но только не укрепляете ее. Ну, какой из Гурама милиционер? Он и не воевал толком. Да и боится он здешних беков. Он ведь один. У него нет поддержки. Шаткая еще ваша власть. Вот и не понятно есть она вообще или нет. А без-

властие порождает хаос. Вы силу свою покажите. Тогда и будут уважать.

Пашаев, который владел несколькими дагестанскими языками, тоже ответил на аварском.

– Ничего отец все сделаем. Сегодня же доложу в ревком о том, что здесь происходит.

Пожилой горец усмехнулся.

– Поторопись. Не слышал разве о том, что месяц назад у нас здесь убили совсем молодого комсомольца. Вот так и будут убивать, ваших активистов пока порядок не наведете.

Люди угрюмо молчали. Сайгид тоже молчал. Но потом зло процедил:

– Всех не убьют. Им нас не сломать. Я более чем уверен в этом. А вас народ прошу поддержать совет по труду и обороне, который возглавляет сам товарищ Самурский и выйти на строительство канала. Вот увидите: жизнь станет лучше.

Был еще один пожилой человек, одетый в широкие галифе, и до невозможности выцветшую рубашку.

Он стоял и в упор, глядел на агитаторов, буравя их острым ядовитым взглядом, но почему-то все время молчал.

Сайгид ждал, что старик вот-вот заговорит. Но, увы. Несмотря на теплую погоду, был он в мохнатой папаше, которая частично закрывала ему глаза.

– Вы что-то хотите спросить? – наконец осведомился у него Пашаев.

– Да нет, не хочу, – спокойно и тихо ответил старик. – Я простой мельник. Смотрю на вас и пытаюсь понять, что же из себя, представляет эта ваша советская власть. Мне это как-то интересно. Но пока вот ничего не пойму. Комсомолию вы развели, а вот еды людям не хватает. У меня на мельнице работы уже почти нет.

– Ничего потерпите, скоро все будет, – попытался, обнадежит мельника Пашаев.

Старик только пожал плечами и с угрюмым выражением на лице зашагал вдруг уверенным шагом прочь от всех.

* * *

В Муцалауле провели целый день. Пытались доходчиво объяснить народу, что из себя все – таки представляет советская власть.

Здесь и заночевали в бывшей конюшне.

Утром, когда тронулись обратно в дорогу, Тамадаев с грустью произнес:

– Нелегко разговаривать с народом на местах.

Пашаев согласился.

– Да. И в этом есть и наша вина. Надо доложить в ревком, чтобы более решительно внедряли новые революционные устои в сознание народа.

– И штат милиционеров надо усилить, – добавил Заур Магомедов.

Пашаев не успел ответить, так как в этот момент вдруг раздались несколько выстрелов.

Дзинь – дзинь: просвистели пули совсем рядом. И тут же в ближайшей чаще колыхнулись ветви кустарников. Не успел Сайгид вскинуть свой маузер, как Заур Магомедов выпустил всю обойму из винтовки вслед исчезнувшему незнакомцу. Однако было непонятно, попал он в цель или нет, потому что из чащи не раздалось не крика ни стопа. А сам Магомедов только потом заметил кровь на рукаве своей рубашки.

– Что задело? – спросил Тамадаев.

Магомедов молча, кивнул и, разорвав нижнюю часть рубашки, затянул ею рану.

Пашаев приказал:

– А ну за мной может, догоним.

Но все было тщетно. Враг успел скрыться в зарослях густой трудно – проходимой чащи.

Когда прибыли в город, то уже наступили глубокие сумерки.

Сайгид все как есть доложил Аликберу.

Шуртаев вздохнул:

– В группу глашатаев Ибрагимова тоже стреляли. К счастью не попали. Наверное, издалека, стреляли.

Оба замолчали и закурили.

Аликбер был сосредоточен. И вот он снова стал говорить. Слова произносились тяжело. Но он понимал, что говорить и объяснять надо. Без этого нельзя.

– Сейчас нам всем трудно. Никто и не говорил, что будет легко. Теперь тоже идет война. Но несколько иная. Я ее на-

зываю так: война из-за угла. Не знаешь, когда в тебя начнут стрелять. Вот так и идет становление нашей новой жизни. И сколько эта новая война продлится, мы не знаем.

Сайгид докурил папиросу и сильно втоптал окурок в землю. Удивленно спросил:

– Все это понятно. Но как такое случилось, что в Муцалауле всего один милиционер. Ведь там еще есть недобитые подонки.

– Знаю, – тихо выдавил Аликбер словно не хотел чтобы его кто-то услышал.

Он снял фуражку и провел по вспотевшему лбу носовым платком:

– Коркмасов сказал, что ревком усилит отделение милиции новыми работниками. И будет так не только в Муцалауле. Но пока это пополнение проходит обучение в Темир – хан – Шуре. Обещали в скором времени перевести школу милиции сюда в Петровск.

– А нашли убийц комсомольца?

– Вот этого я не знаю, – признался Аликбер. Надо будет все разузнать.

Глава седьмая

Встал перед Коркмасовым остро и вопрос о том, кому все-таки доверить проектирование столь грандиозной работы как строительство канала.

Как уже упоминалось, еще в царское время была сделана попытка постройки подобного канала. Но тогда ничего не вышло. Так и не пошла вода по наспех сооруженной траншее.

Теперь во что бы то ни стало, необходимо было привлечь к этому делу по настоящему, знающих свое дело людей.

Не день и не два размышлял Джалалудин Асельдерович о том кому доверить эту работу. Но не мог остановиться конкретно не на какой кандидатуре.

Но как-то Алибек Тахо – Годи обмолвился:

– А может Видади Эмирова пригласить для этого дела?

Коркмасов вскинул голову.

– Я собственно наслышан о нем. Он ведь в свое время учился в Петербурге?

– Да. На факультете железнодорожного транспорта. Отличный инженер.

– Но разве он находится сейчас в Петровске?

– А как же. Давно приехал из Азербайджана.

– Слышал, что Турция просила его приехать работать у них...

Тахо – Годи, усмехнулся.

– И не только Турция. И Англия и Германия тоже желали воспользоваться его знаниями и талантом. Но он отказался.

На лице Коркмасова появилась чуть заметная лукавая улыбка.

– Какой молодец. Это достойно чести. А как он все-таки относиться к новой власти?

– Говорят хорошо. Кстати не слышали историю о трех кораблях, которые сели на мель. В свое время об этом вся страна говорила.

– Как же, конечно. Но вот подробностей не могу упомянуть.

Алибек стал уточнять.

– Три грузовых парохода, которые должны были доставить буксиры с нефтью из Баку в Астрахань сели на мель. Два месяца матросы не могли ничего поделывать. Все усилия были напрасны. Даже вызывали инженеров из Турции, но все зря. И вот когда Видади Эмиров узнал об этом факте, то сказал, что он за две недели снимет суда с мели. Ему представьте, не поверили.

– И что? – спросил Коркмасов. И был в этом вопросе живой неподдельный интерес.

Тахо – Годи благодушно, усмехнулся:

– Сдержал слово. Об этом писали как наши, так и зарубежные газеты. Вот тогда о нем за границей и узнали.

– Ты знаком с ним?

– Здесь в Петровске виделись два раза. Очень хороший человек.

Коркмасов попросил Тахо – Годи.

– Тогда пригласи его на встречу. Необходимо будет поговорить с ним. Может он согласиться возглавить строительство канала. Я думаю, что он сможет сделать необходимый нам проект.

– Хорошо.

– Только не говори пока ничего конкретно ему. Лучше я сам с ним переговорю. Надо человека подготовить. Вопрос серьезный. Мы ведь не знаем, как он, в конце концов, отнесется к этому делу.

– Понимаю.

* * *

Однако Тахо – Годи не смог встретиться с Эмировым, так как Видади в это время ездил к себе на малую родину в селение Ахты.

Но о том, что им интересуются представители власти, ему передал его сосед, чей племянник Ажибек Кафланов тоже работал помощником одного из членов ревкома.

Сам Эмиров терялся в догадках. Почему вдруг его вызывают в ревком? Политикой он никогда не интересовался. Честно трудился на своем поприще, как при царском режиме, так и при новой власти.

– Не знаю, – мотал головой сосед по дому. Мне Ажибек сказал, чтобы я передал его просьбу.

– Понятно. Ну что же буду собираться в город.

* * *

Пока Видади добирался на лошади до Петровска, многое ему вспомнилось за время пути из своей прежней жизни.

И годы детства, проведенные в Ахтах и реальное училище в Темир – хан – Шуре, и учеба в гимназии в городе Ставрополе.

Помниться тогда четырнадцатилетнему подростку все было внове в этом русском городе.

Но особенно поразил директор гимназии: очень высокий и очень худой с непомерно длинным носом.

Обычно директор степенно подходил к вновь принятому ученику, водружал на нос громоздкое пенсне, и как бы приносясь, нравоучительно выговаривал:

– Учится, надо хорошо. Нельзя баловаться, и нельзя хулиганить. Нужно быть приличным человеком. Это вы понимаете?

Эти же самые слова с весьма серьезным видом директор высказал тогда и Эмирову. Он был стеснительным мальчиком и поэтому в смущении переступал с ноги на ногу, не зная, что ответить. Но потом решительно кивнул головой в знак согласия.

А директор, услышав имя Эмирова, задумчиво посмотрел на потолок гимназии потом на мальчика и, растягивая непомерную длину буквы, вынес свой безоговорочный вердикт.

– В..и..да..ди. Хм. Это очевидно от слова видать. Я так подразумеваю. Ну что же хорошо, очень хорошо...

Мальчик не выдержал и тихо засмеялся. Но к счастью этого не заметил директор, которого в эту минуту что-то отвлекло.

И Видади действительно доказал что может хорошо учиться. И строгий директор был очень доволен смышленным пареньком из селения Ахты.

Когда Видади уже завершал учебу, то сам директор обратился к военному губернатору Дагестана с письмом, в котором отмечал «отличное поведение и большие успехи в науках Эмирова».

Директор ходатайствовал о предоставлении ему возможности продолжения учебы в одном из крупных городов России. Так Видади и попал в Петербург.

С первых дней он влюбился в этот величественный город. Особенно его поразил Невский проспект. Красивые дома, построенные в стиле барокко, казались такими высокими, что каждый раз, когда он глядел вверх, то у него голова кружилась. А народ? Столько он не видел на базаре не в Темирхан – Шуре, ни в Ставрополе.

Также с взволнованным выражением лица и одновременно с восторгом глядел он на ретивых коней, установленных на мосту которых удерживали за поводья крепкие мускулистые юноши. Казалось еще немного и кони вместе с юношами умчатся куда-то очень далеко.

После окончания университета Видади направили работать в Астрахань заместителем начальника порта.

Потом он трудился в Крыму. После этого по воле судьбы оказался в Азербайджане.

* * *

Встреча с Коркмасовым была для Эмирова весьма важной и потому он немного волновался.

Они крепко пожали друг другу руки и на некоторое время так и застыли, словно не зная сразу с чего начать разговор.

После этого оба улыбнулись и волнение Эмирова, стало потихоньку исчезать.

Коркмасов устроился в своем кресле за столом, а Эмиров сел на старый с потертой кожей диван.

Видади снял высокую серую шапку и, вынув из нагрудного кармана широкой теплой рубашки папиросу, стал раскатывать ее между пальцами. Потом взглянул на Коркмасова как – бы испрашивая разрешения закурить. Джалалудин Асельдерович кивнул и, пригласив секретаршу, велел принести чаю.

– И пусть нас какое-то время не беспокоят, – попросил он ее.

Секретарша поставила чай на стол и ушла, как-то слишком аккуратно держа перед собой серебряный поднос чтобы, наверное, не уронить.

И снова воцарилась пауза. Наконец Коркмасов задал инженеру мучивший его вопрос:

– Тут вот какое дело. Необходимо выполнить проект для строительства канала. Сможете? Поверьте это сейчас главное что нужно для Дагестана. Необходимо пустить в поля воду.

Видади чуть задумался.

– Думаю можно это сделать. Надо будет только организовать хорошую команду

Коркмасов внимательно взглянул на Видади.

– Учтите, что вода обязательно должна пойти по каналу. Поэтому сами понимаете дело серьезное и очень непростое.

– Да не простое, – согласился Эмиров. Но ведь кроме нас никто, наверное, это не сделает.

– В том то и вопрос. Вот вы и попробуйте. Мы слышаны о ваших подвигах. И рады за вас.

Видади искренне удивленно спросил.

– Это вы о чем?

– О трех судах севших на мель недалеко у Апшеронского полуострова. Ведь это вы их спасли.

– Да было. Но я просто выполнял свою работу.

– Ну что же. Неплохая работа. Если об этом факте даже зарубежные газеты писали. Значит, не зря учились в Петербурге пять лет.

Эмиров пожал плечами, и вновь наступила пауза.

Прошло несколько выжидательных секунд, а может и минута.

На этот раз молчание нарушил Видади. Он сказал:

– Составление проекта займет время. Надо местность хорошо обследовать. И потом: на разных участках, скорее всего, придется привлекать разное количество людей.

– Конечно, так и будет. И в первую очередь создадим технический совет. Наберете себе команду, обсудите с ними необходимые вопросы. Установим вам и вашей команде зарплату.

– А сроки, какие?

Коркмасов вздохнул.

– Сроки короткие. Через два – три месяца нужно будет начать уже строить канал. Думаем сначала провести что-то вроде субботника. Надеемся на сознательность народа.

Эмиров вынул новую папиросу, однако так и не прикурил. Твердо сказал:

– В народе я не сомневаюсь. Главное обеспечить людей продуктами. Потому как мы ведь не знаем, сколько времени вся эта работа займет.

– Это хорошо, что у вас есть такая уверенность. Что касается продуктов, этот вопрос тоже решается. Надеюсь, справимся с этой проблемой. Хотя будет тоже нелегко. Власть у нас молодая. Только жить по – новому начинаем.

– Тогда завтра и приступим к работе.

Коркмасов протянул Эмирову руку.

– Спасибо. Это я и хотел услышать. Сейчас вся страна будет следить за тем, как мы будем работать. Поэтому ответственность огромная лежит на нас всех без исключения.

Глава восьмая

Кажется, что таинственная ночь опустилась над горным Дагестаном.

Поистине незабываемыми бывают такие прохладные летние ночи в горах.

Легкий ветерок, едва касаясь листьев деревьев, словно что-то сказочное наговаривает им. И они в ответ своим шуршанием тоже что-то торопливо отвечают.

Резкие громкие крики птиц пугают и завораживают одновременно.

Иной раз, кажется, что птица кричит прямо у тебя над самым ухом.

В переключку с птицами вдруг вступает упрямый осел, который тоже что-то неумолчно орет. Ему в унисон раздается громкое ржанье лошади. И тут же о чем – то о своем сокровенном возвещает ночная царица лесов вечно недовольная чем-то сова.

Она как – будто ведет разговор исключительно сама с собой.

Человеку, который не бывал в этих местах, все эти явления покажутся непривычными. А местные давно привыкли. Их ничем не удивишь.

Вот зашуршали высокие ветви смородины, что растут, растянувшись цепочкой вдоль большого яблоневого сада.

Что это может быть? И вдруг в наступившей минутной тишине отчетливо становятся слышны негромкие человечесьи шаги.

Человек идет ни на что, не обращая внимания. Он сосредоточен.

Его не тревожат не ночные крики птиц, не ржанье лошади, не упрямые выкрики ослика. И даже совсем не настораживают пугающие всхлипы совы.

Скорее всего, потому что он хорошо знает эти места.

Шагает человек неторопливо, но уверенно.

Вот он подошел к самому крайнему большому дому и чуть слышно постучался. В ответ ни звука. Подумал: наверное, спят. И постучался настойчиво еще раз, уже чуть громче, и услышал резкий недовольный возглас. Хозяин дома скорее не спрашивал, а говорил с упреком:

– Кто это не спит в поздний час?

Хриплый чуть простуженный голос ответил:

– Открой уважаемый Маширбек это я Зиявутдин.

– Какой еще Зиявутдин?

– Сын Махмуда...

Послышался шум открываемой щеколды, и дверь широко отворилась.

Незванный гость быстро прошел в просторную саклю.

Хозяин с круглыми плечами в нательной рубашке и в шелковых ночных шароварах стал разжигать лучину и что-то недовольно бормотать себе под нос.

– Что это вы говорите?

Маширбек пристально посмотрел на позднего гостя, который расположился у окна на широкой лежанке и буркнул:

– Керосину говорю, нет. Приходиться вот пользоваться лучиной. Все дорого стоит ныне на базаре.

Он установил лучину в узкую высокую медную чашку похожую чем-то на кувшинчик и сказал:

– Сейчас ты мой гость. Но прошу, говори тихо. В соседней комнате жена спит. Она немного болеет.

Зиявутдин кивнул и попросил воды.

Пока гость утолял жажду, хозяин еще раз внимательно стал разглядывать его. После чего едва слышно вздохнул.

– Постарел ты Зиявутдин, однако...

Зиявутдин отер медленно ладонью губы и согласился:

– Наверное, так. Повидал я немало. Но и ты не помолодел.

– Так я старше тебя на целых десять лет.

Хозяин и гость помолчали. Потом Маширбек спросил:

– Когда ты приехал в Дагестан?

Зиявутдин кашлянул в кулак и как – будто нехотя ответил:

– Три дня назад.

– Где же ты ночевал?

– Был в Петровске на явочной квартире.

Маширбек возмутился.

– Зачем ходил туда? Мог ведь чекистов навести.

– Зиявутдин развел руками.

– А куда мне было идти. К себе домой нельзя. Хотя очень

хотелось. Я ведь отца давно не видел.

Маширбек заерзал на кушетке и непривычно громко за-сопел. Потом полез в небольшой карманчик ночных штанов за нюхательным табаком. Внимательно рассыпав табак на ладони, стал жадно втягивать в ноздри. После чего удрученно взглянув на гостя, проговорил:

– Послушай что скажу. Умер твой отец. Не выдержал видать разлуки. Хороший был человек.

Он поднял свою большую голову кверху и что-то быстро про себя пробормотал. А Зиявутдин словно, окаменев, сидел неподвижно. И лишь через некоторое время глухо спросил:

– Когда это случилось?

– Еще прошлой весной.

На глазах Зиявутдин выступили слезы. Тело его мелко за-тряслось. Он достал из глубокого бокового кармана некогда модного твидового пиджака носовой платок и стал отирать глаза.

– Ну, скажи мне, зачем ты уехал за границу? – спросил Маширбек. Разве тебе что-то серьезное угрожало?

Зиявутдин потрясенный известием о смерти отца ответил не сразу. Слова стал с трудом выдавливать из себя.

– Я ведь секретарем работал у Бичерахова. Работы не было, вот и пошел к нему. Думаю, такого большевики не простили бы мне.

– Тогда зачем обратно приехал? Мы не ждали тебя.

Зиявутдин удивленно приподнял брови.

– Как зачем? Отца хотел повидать. И жена у меня тут и дети тоже. И потом я являюсь членом подпольного комитета «За честь родины»...

– Да ладно тебе, – досадливо махнул короткой пухлой рукой Маширбек. – Какой там к черту комитет. Кто что хочет то и делает. Никакой дисциплины. Развели анархию. Вот и ты, не поставив, некого в известность пошел туда. А ведь это большой риск. Как не мог ты этого понять.

Зиявутдин угрюмо молчал, а Маширбек продолжил.

– К себе домой не ходи. Жена твоя уехала к своей сестре в Астрахань и сыновей забрала. Здесь в селе дом твой пустует, поэтому сразу подозрение на себя привлечешь. Оставайся на два – три дня у меня, а потом устроим тебя в Шамхале или даже в Петровске. Но и там домой не ходи. Наши люди постараются узнать, кого поселили в твою квартиру. Понимаю что тяжело. Однако время такое сейчас нелегкое.

– Спасибо.

– Подожди благодарить, – вновь махнул рукой Маширбек. – Есть два надежных человека. Одного зовут Амирхан, другого Джарулла. Оба бывшие офицеры. Служили в дикой дивизии. Так вот они жаждут дела. Надо будет тебе познакомиться с ними.

– Когда? – тихо спросил Зиявутдин.

– Найдем время и сообщим.

Чуть помолчали.

Через некоторое время у хозяина глаза сверкнули злобой,

он занервничал, голос задрожал:

– А твой родственник то лютует. Начальником вновь заделался у большевиков. Ух, я бы его разорвал на куски.

– Ты о ком?

– Как это о ком? Сайгида имею ввиду. Ходит, говорят, агитирует народ, чтобы выходили канал строить. Опять он вместе с этим Шуртаевым. Но ничего. Вот тут то, мы им и подножку поставим.

Зиявутдин чуть удивленно взглянул на Маширбека.

– О чем ты говоришь?

Маширбек коротко выругался. Сказал:

– А ты как думал. Твой отец разве не из-за них умер? То – то. Из-за них проклятых. У меня они почти всех лошадей отобрали. А что я им плохого сделал? Сказали что это излишки. В пользу армии конфисковали. Не хватает, мол, у них лошадей. А что у них вообще было у голодранцев?

У Маширбека скрипнули зубы, и подбородок его сильно задергался. Он тяжело вздохнул и обреченно добавил:

– Не сегодня, так завтра и дом в Темир-хан – Шуре навверное отберут.

– Почему так решил?

Маширбек казалось, окончательно разозлился.

– Не понимаешь, что происходит? Не будь наивным. Нас они хотят без ничего оставить. Разве не видно? Так что в самый раз подпортить им настроение. Кстати в Муцалауле у нас тоже есть какой – никакой свой человек. Только уж

очень неосторожный. Недавно одного голодранца отправил на тот свет. Говорят какого-то комсомольца. А если бы попался? Совсем плохо было бы ему.

– Кто сейчас руководит ячейкой?

Маширбек тут же преобразился. Важно подбоченился и не без гордости с расстановкой произнес:

– Руководство сейчас доверено мне. Аким уехал во Францию налаживать связи с тамошним комитетом. Так что все должны сейчас выполнять мои указы.

– Давно уехал?

– Три месяца уже. Конечно с чужими документами. Кстати, а как у тебя с этим делом? По каким документам ты лично приехал?

– С документами все в порядке. Я теперь являюсь турецким коммерсантом Нурали Гюнтекиным. Приехал, чтобы ознакомиться с рынком сбыта меда и пряжи.

– Но ведь есть люди, которые тебя могут узнать. Ты не думал об этом? – с некоторым беспокойством спросил Маширбек.

– Для этого случая, вот что есть, – спокойно заметил Зиявутдин и, раскрыв маленький саквояж, который был у него с собой, достал оттуда что-то похожее на клочок волос.

– Что это? – сильно шурясь, спросил хозяин.

– Борода и усы, – сказал Зиявутдин и умело приученным движением рук прикрепил бороду к подбородку. Потом также ловко приделал и усы.

Маширбек надел на нос пенсне, и взглянув на Зиявутдина, буквально опешил и покачал головой.

– Ну и ну. Однако же научили тебя, я вижу. Совсем на себя не похож.

Зиявутдин усмехнулся.

– Да научили. Учителя там, кстати, свои же. В Турции наших достаточно. И даже более чем. А самим туркам как мне кажется, абсолютно все равно, что тут у нас происходит. Поэтому нам там очень радостно. Тоска большая есть у многих по родине. Вот и я не выдержал, тоже затосковал и приехал.

Маширбек хмыкнул:

– Ну что же раз приехал так включайся в дело. Соберем надежную группу и устроим местным коммунистам небольшую головоломку. Главное соблюдать дисциплину. Чекисты тоже ведь не дремлют. Ныне Керима Мамедбекова поставили у них главным. Чтобы земля под ним разверзлась.

– Что я должен буду делать? – как – будто спокойно, даже несколько равнодушно спросил Зиявутдин.

– В первую очередь надо узнать, что это за канал будет. Также надо будет выяснить, кто является архитектором всего этого дела.

– Скорее всего, наверное, не архитектор, а инженер...

Хозяин махнул досадливо рукой.

– Какая разница. Потом надо будет взять на заметку особо ретивых участников, чтобы знать, с кем имеем дело. Вот этим ты и займись.

Зиявутдин удивленно вытянул лицо.

– Как же я турецкий подданный должен буду всем этим интересоваться? Я заведую пряжей и медом. В этом случае меня могут уличить.

Маширбек внимательно посмотрел на него.

– Ладно, там посмотрим, что делать. Только подальше держись от своего родственника.

– Про Сайгида говоришь?

– Именно про него.

– Не думаю, что он меня узнает, – констатировал Зиявутдин и, усмехаясь, потрогал двумя пальцами свою бороду и усы. – А потом ты сам сказал, что я изрядно постарел.

– Все равно. Веди себя максимально осторожно.

Зиявутдин кивнул. А Маширбек еще раз, втянув в ноздри, остатки табаку, что держал на мягкой белой ладони, добавил:

– Как только Аким вернется из Франции, проинформируем его обо всем. А сейчас давай укладываться спать. Располагайся здесь на лежанке. Думаю, тебе будет удобно.

Глава девятая

Юнус проснулся, когда солнце уже высоко поднялось над городом.

Выпив из большого ковша холодной воды, он торопливо вышел на улицу и досадливо чертыхнулся: вчера обещал маме с утра запрячь лошадь и на подводе отвезти ее на рынок.

Да вот незадача: оказывается, немного проспал. Мама ушла сама на базар.

Здесь в Петровске они жили на окраине. И это позволяло его маме содержать небольшое хозяйство.

В неделю два раза Саняйт отправлялась на рынок, чтобы продавать там яйца, сметану и молоко.

Сейчас, когда в стране была объявлена новая экономическая политика, было позволено заниматься частной торговлей.

Некоторая часть населения (конечно, кто мог) открыли даже свои небольшие лавочки.

Жизнь у Юнуса в его 24 года складывалась по его собственному мнению не очень удачно.

Хотел было поступить в педагогический техникум, но из-за семейных обстоятельств не смог.

Отец, который работал на железной дороге в 1918 году погиб от шальной пули, во время одной из перестрелок недалеко от города. Старший брат учился в Астрахани в училище.

ще на монтера и уже там записался в Красную армию. Да так и остался служить. Ныне от него не было никаких известий. И было непонятно: жив он или нет.

Юнус тоже было хотел последовать его примеру, но опять не очень повезло. Однажды неудачно упал с чердака и повредил ногу. Но юноша, однако, не унывал.

Он был очень благодарен маме, которая, несмотря на свою занятость, ухаживала за сыном, пока он полностью не выздоровел.

А сам все рвался в армию. Но его не взяли. Сказали, что уже идет полным ходом демобилизация. Саняет была этому рада. Она мягко выговаривала сыну:

– Зачем ты хотел уйти в армию? Как – бы я была одна. Подумай сам. И сестре твоей нужна защита.

– Но ведь она уже замужем...

– А ты разве не знаешь, какой у нее муж?

– Знаю. Не надо было отдавать за него.

– А ты не помнишь, как оно все вышло?

– Помню.

* * *

Его сестра Айшат, которая была в семье самой младшей ходила по просьбе матери к двоюродному дяде Туралу и относила иногда ему еду, так как он жил один. Жена дяди умерла от тифа год назад, а детей у них не было.

Как-то однажды Айшат в очередной раз пошла к дяде, чтобы отнести бидон с хинкалом. И тут он, вдруг пристально

окинув строгим мужским взглядом, ее ладную фигуру сказал, что она должна непременно выйти за него замуж.

Айшат от неожиданности растерялась:

– Да вы что? Вы же старый...

Девушка буквально выпалила мужчине, то о чем она искренне думала. А дядя рассердился.

– Какой я старый. Мне еще не исполнилось сорока лет. А тебе обязательно нужен надежный человек. Ты глупая и пока не понимаешь что такое настоящая жизнь. Счастья своего не понимаешь.

Он помолчал, усмехнулся и уверенно добавил:

– А счастье твое это жить со мной.

С этими словами Турал двинулся в сторону Айшат, раскрыв при этом руки то ли для того чтобы схватить девушку, то ли чтобы обнять. Девушка инстинктивно отпрянула к выходу, но дядя успел дернуть ее за рукав платья. Она стремглав выбежала и пустилась со всех ног домой. Когда мать увидела разорванный рукав дочери, то быстро завела ее в дом и стала успокаивать.

– Утри, пожалуйста, слезы, и выпей воды.

Протянула дочке эмалированную кружку с водой. Когда дочка отпила, Саняйт усадила ее на деревянный сундук и ласково попросила:

– Расскажи по порядку что случилось.

Она женщина с большим жизненным опытом понимала, что в подобных случаях в первую очередь необходимо успо-

коиться.

И слова матери действительно подействовали на Айшат, и она уже спокойно без истерики рассказала что произошло.

Саният покачала головой и спросила:

– Тебя кто-то видел?

Дочь, вытирая слезы платочком, пожала плечами:

– Не помню, может, видели.

На удивление дочери мать вдруг сказала:

– Вот видишь. Что теперь скажут люди. Город совсем маленький все друг друга знают.

– Что ты имеешь в виду мама?

– Хочу заметить, что Турал мог бы действительно стать тебе неплохим мужем. Да, да это так. Что теперь поделаешь.

Видно нравишься ты ему.

– Но я не хочу, – возразила дочка.

– Пойми, пойдут слухи, разговоры. Нехорошо все-таки...

– Нет, мама.

– Подумай доченька.

Может Айшат и настояла бы на своем, и не послушалась маму. Но на следующий день дядя, как, ни в чем не бывало, явился к ним домой и стал извиняться. Он даже, опустил на колени перед Айшат и со скорбным выражением лица обратился к ней.

– Извини, пожалуйста. Ты не так все поняла. Я лишь хотел убедить тебя, в том, что будешь счастлива, если выйдешь

за меня замуж.

Мать замахала руками.

– Вставай. Не к лицу мужчине быть на коленях. Я дочери сказала то же самое. Ей нужно время чтобы обдумать все.

– Да, конечно, – согласился Турал.

Он поднялся с колен и присев на стул стал объяснять:

– Послушай уважаемая Саният. Более надежного человека ей ведь не найти. Сейчас время тяжелое. Заработать на кусок хлеба трудно, а я буду опорой.

– Нужно подумать, – повторила Саният. – Думаю, она согласиться.

Прошло время, и Айшат действительно согласилась.

Во – первых мама уговорила. А во – вторых она тоже боялась людских наговоров. Сыграли, скромную свадьбу и Айшат стала жить с Туралом. Поселились они у него дома.

* * *

Первые месяцы жили хорошо.

А потом Турал стал обижать молодую жену. Сначала просто придирался, а потом и руку стал поднимать. То она кушать приготовила невкусно, то постирала рубашку плохо, то внимания ему уделяет мало.

Однажды Юнус сказал дяде:

– Очень прошу, не обижай сестру. Ведь ты добился, чего хотел. Она вышла за тебя замуж.

Турал недоуменно взглянул на Юнуса:

– Не надо вмешиваться в нашу жизнь. Жене нужен

не только пряник, но и кнут. Ты молодой еще и тебе не понять этого. Занимайся лучше своей девушкой. Как ее зовут? Кажется Гульжан? Так или нет? А?

У Юнуса невольно сжались кулаки.

– Это не твое дело. Сам как-нибудь разберусь.

Турал энергично кивнул головой.

– Согласен. Но и ты не вмешивайся в мою жизнь. Я тоже сам разберусь.

* * *

Юнус видел свою Гульжан не так часто, как ему хотелось бы.

Она приходила каждое утро к большой колонке набирать воду. И только там он мог переговорить с ней, и то если не было рядом людей.

Два или три раза ему также удалось встретиться с любимой девушкой в клубе, где по выходным дням давали концерты местные артисты.

Девушке тоже Юнус нравился.

Когда они остались одни, она стала говорить:

– Я боюсь рассказать маме, что мы с тобой иногда встречаемся. Ты ведь знаешь, она хочет, чтобы ты устроился на постоянную работу. Не хочешь, ли идти продавать дрова? Люди ведь занимаются этим делом. И как то живут.

Юнус замотал головой.

– Я не буду продавать дрова. Потому что у меня не останется времени для другого дела.

– Для какого?

– Пойду помогать людям, буду строить канал. Ты знаешь два дня назад, я видел митинг, на котором выступал молодой поэт Багаутдин Астемиров. Он говорил, чтобы все комсомольцы шли на стройку. Этот парень специально приехал из Темир – хан – Шуры

чтобы рассказать об этом. Надо брать с таких людей пример. Я ведь тоже комсомолец. Считаю, что это дело очень важное для нас.

– А там будут платить деньги, – спросила Гульжан. Или может, будут выдавать продукты?

– Не знаю. Если даже не будут, все равно пойду на стройку, – решительно заявил Юнус.

– Ты не любишь меня, – заявила Гульжан и с грустным выражением посмотрела на Юнуса.

Он тронул ее за руку.

– С чего ты взяла. Я тебя очень люблю.

– Но как мы будем жить? Если тебе не будут платить деньги.

Юнус задумался, потом сказал:

– Я буду разносить воду на рынке. А в свободное время работать на стройке.

– Так ты не заработаешь больших денег, – недовольно высказалась Гульжан. Много таких развелось, кто разносит воду. И работа эта не постоянная кажется.

– Ты сразу хочешь, чтобы всего было много, – улыбнулся

ся он.

Оба замолчали, обдумывая то недоразумение, которое вдруг возникло между ними. Они смотрели друг на друга, так словно в первый раз увиделись и поэтому не решались еще что – то произнести. Как- будто были очень смущены взаимным присутствием. Первым нарушил молчание Юнус.

Стал разъяснять:

– Невозможно в одночасье жить в достатке не приложив к этому никаких усилий. Ведь работа на постройке канала нам нужна тоже для нашего общего благополучия. Если в республике будет хорошо другим людям, то и нам с тобой тоже будет хорошо.

Девушка упрямо буркнула.

– Но ведь у нас не будет денег.

Юнус развел руками.

– Поверь это не трагедия. Надеюсь, ты это поймешь со временем. Я лично хочу быть полезным своему народу. Поэтому обязательно пойду на стройку. Очень желаю, чтобы ты подумала, для чего мы живем. И как потом будем объяснять свои поступки нашим детям.

Глава десятая

Прошло некоторое время.

И вот однажды рано утром люди кто с лопатой, кто с киркой, а кто с носилками стали направляться туда, где должно было начаться, наконец, грандиозное строительство канала.

Был объявлен субботник не только для мужчин, но и для женщин в возрасте от 18 до 55 лет.

Люди шли группами и в одиночку. Шли к окраине города к ее западной стороне. Был среди них и Юнус. Мать, напутствуя сына, все же строго заметила:

– Ты сынок лопату не потеряй. Ведь у нас другой нет...

Юнус лишь улыбнулся в ответ и махнул рукой.

На душе было светло и радостно. Омрачал немного лишь тот факт, что любимая девушка не совсем его все-таки понимает.

«Еще не отошла, кажется от старорежимных буржуазных взглядов» думал он о Гульжан и слегка переживал за нее.

За чертой города состоялся небольшой митинг.

Комиссар строительного отряда молодой коммунист Виктор

Охлопков сказал людям еще раз о том, что и как они должны делать. Также не преминул напомнить о том что необходимо работать ударно не жалея своих сил. Рядом находился его помощник. Это был комсомолец, которого звали Ха-

сан Асеков. Он тут же тем, кто плохо владел русским, переводил все сказанное на кумыкский язык. Виктор вдруг закатал рукава своей старой изрядно поношенной гимнастерки как – будто собирался выйти на круг и побороться с кем-то и, держа в руках грубо изготовленную, самодельную кирку воскликнул:

– Товарищи запомните этот день 30 августа 1921 года. Именно сегодня начинается великое дело. Благодаря каналу, который будет нами построен, мы получим воду и сможем оросить наши поля. А что это значит? – Охлопков поднял руку, призывая к еще большему вниманию – это значит, что республика будет жить и расцветать. Наши виноградники и наши кукурузные угодья получат столько воды сколько необходимо. Понимаете вы это!?

Раздались нестройные возгласы:

– Понимаем...

– А как же...

– Большое начинаем дело.

Охлопков глядя на толпу воодушевленным взором, был чрезвычайно горд тем, что ему поручено возглавить этот первый день субботника среди горожан. Был твердо уверен, что дело это является, грандиозным начинанием, большого светлого будущего. И никто никогда не смог бы поколебать в нем эту его железную веру.

Виктор приподнял кирку над собой, словно держал винтовку и собирался решительно ринуться в атаку.

– Друзья мои, – воскликнул он. Покажем мировому империализму, как мы можем работать. Не ударим, что называется лицом в грязь. Каждый должен работать как настоящий коммунист или комсомолец. Хочу также сказать, что если я лично буду работать плохо, то гоните меня вашего руководителя со стройки, и отдайте под суд. И точно также поступим с каждым. Иначе работа у нас не пойдет.

Люди загудели.

– Правильно...

– Верное решение...

– Да здравствует советская власть...

Охлопков довольный реакцией людей встряхнул кудрявой светлой головой, словно отмахивался от назойливой мухи и сказал:

– Очень хорошо, что вы меня понимаете. А теперь если хотите, можете задавать вопросы.

Руку подняла женщина в старом коричневом длинном парусиновом платье.

– А кормить обедом будут? Ведь многие ничего с собой не взяли.

Охлопков успокоил.

– Будут. Не переживайте товарищи. Привезут еду прямо на поле. Для этого подготовлены четыре брички. Начальник стройки обо всем осведомлен.

Вперед выдвинулся Юнус и указывая на кирку, которую держал в руках Охлопков спросил:

– А как быть с инструментами. Ведь с такой киркой как у вас, к примеру, много не наработаешь.

Послышались дружный смех. И сам Виктор тоже улыбнулся.

– Да в этом ты товарищ прав. С инструментами пока трудно. Но все будет со временем нормально. Пока республика поможет. А там еще и Москва обещала посодействовать. Так что не переживайте мне об этом сам старший руководитель Аликбер Шуртаев говорил. Он тоже, кстати, будет принимать деятельное участие в нашей стройке. Работы нам хватит. Ведь общая протяженность канала будет составлять много километров. Может 100, а может и больше. Я сам пока точно не знаю.

– Когда же мы управимся? Неужели сегодня, – скаля желтые чуть кривые зубы, на темном лице спросил мужчина в старой летней шляпе с обвисшими полями. Он стоял в выжидательной позе очень довольный своим вопросом.

И в толпе вновь раздался легкий смех.

– А вот смеяться не надо, – серьезно заметил Охлопков. Будьте уверены товарищ, что с работой мы все равно рано или поздно справимся, сколько бы времени на это не понадобилось. А вы – обратился он к мужчине – такими вещами не шутите. Знайте, что если партия решила, то значит, все будет в порядке.

– Да нет, я же просто, я ничего, такого не хотел... – смутился мужчина и поскорее скрылся в толпе.

После некоторой паузы Охлопков подытожил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.